

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ**

**Материалы Всероссийской научной конференции
«I Старостинские чтения: Опорные памятники
Среднего Поволжья и Прикамья
первой половины – середины I тыс. н. э.»**

**№ 1
2018**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 1 2018

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук **А.Г. Ситдигов**

Ответственный редактор:

докт. ист. наук **Т.Б. Никитина**

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныхов М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Боталов С.Г., д.и.н. (Челябинск); **Бугров Д.Г.**, к.и.н. (Казань); **Голдина Р.Д.**, д.и.н. (Ижевск); **Грибов Н.Н.**, к.и.н. (Нижний Новгород); **Зубов С.Э.**, к.и.н. (Самара); **Матвеева Н.П.**, д.и.н. (Тюмень); **Никитина Т.Б.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Обломский А.М.**, д.и.н. (Москва); **Ставицкий В.В.**, д.и.н. (Пенза); **Сташенков Д.А.**, к.и.н. (Самара); **Чемякин Ю.П.**, к.и.н. (Екатеринбург); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Тишкин А.А.**, д.и.н. (Барнаул); **А. Тюрк**, PhD (Будапешт, Венгрия).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236–55–42

E-mail: archeosteppe@gmail.com

E-mail: <https://www.evrazstep.ru>

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 1 2018

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Tatyana B. Nikitina**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Victoria**, Dr. Hab. (D'aix-en-provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doktor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint-Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Botalov Sergey G., Doctor of Historical Sciences, (Chelyabinsk); **Bugrov Dmitry G.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Chemyakin Yuriy P.**, Candidate of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Goldina Rimma D.**, Doctor of Historical Sciences (Izhevsk); **Gribov Nikolay N.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Matveeva Natal'ya P.**, Doctor of Historical Sciences (Tyumen); **Nikitina Tatyana B.**, Doctor of Historical Sciences (Yoshar–Ola); **Oblomskiy Andrei M.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Stavitsky Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences (Penza); **Stashenkov Dmitry A.**, Candidate of Historical Sciences, (Samara); **Tishkin Aleksey A.**, Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **A. Türk** PhD (Budapest, Hungary); **Zubov Sergey E.**, Candidate of Historical Sciences (Samara).

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)236–55–42

E–mail: archeostepps@gmail.com

E–mail: <https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Зубов С.Э. (Самара, Россия) История изучения памятников писеральско-андреевского типа	9
Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. (Ижевск, Россия) О пьяноборской культурно-исторической общности.....	17
Красноперов А.А. (Ижевск, Россия) Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье	56
Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. (Ижевск, Россия) Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье.....	87
Бернц В.А. (Ижевск, Россия) Использование блях-раковин населением Удмуртского Прикамья в III–V вв. н.э. (по материалам могильников).....	108
Красноперов А.А. (Ижевск, Россия) Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала	130
Ширин Ю.В. (Новокузнецк, Россия) Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа	178
Грибов Н.Н. (Москва, Россия) Подвязьевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.).....	191
Казаков Е.П. (Казань, Россия) Щербетьский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв. н.э.	200
Валиев Р.Р. (Казань, Россия) Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры	211
Дроздова Г.И. (Казань, Россия) Описание архива П.Н. Старостина	227
Останина Т.И. (Ижевск, Россия) Удмуртский вариант именьковской культуры: итоги изучения и особенности.....	257
Список сокращений	293

CONTENTS

Foreword	6
Zubov S.E. (<i>Samara, Russian Federation</i>) The Research History of the Piseraly-Andreevka Type of Sites.....	9
Goldina R.D., Leshchinskaya N.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) About the Pyany Bor Culture-Historical Community	17
Krasnopeorov A.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Anachronisms in Grave Goods. Artefacts of the Pyany Bor Culture in the Mazunino Culture Burials: the changing of the times in the Kama Region	56
Chernykh E. M., Khairullina O. F. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Boyarka (Aray) Burial Ground – a New Site of the Migrations Period in the Middle Kama Region.....	87
Bernts V.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) The Use of Shell Plates by the Population of the Udmurtia in the 3 rd – 5 th Centuries A.D. (Case Study of the Burial Grounds Data).....	108
Krasnopeorov A.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) The Azelino: the movement to the East. The Azelino Artefacts Eastward of their Home Area.	130
Shirin Yu.V. (<i>Novokuznetsk, Russian Federation</i>) The Chronology of the Cultural Relations between the CisUrals and the Western Siberia in the end of the Early Iron Age.....	178
Gribov N.N. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Podvyaz'ye Burial Ground in the Lower Oka Region: cultural features and chronology (the preliminary results of the excavations in 2010 and 2012–2015)	191
Kazakov E.P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Scherbet' Group of the Turbasly Imen'kovo Sites of 6 th – 7 th Centuries. A.D.	200
Valiev R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) A New Site of the "Komintern Type" of Imen'kovo Culture	211
Drozdova G.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Description of P.N. Starostin's Archive.....	227
Ostanina T.I. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) The Udmurt Variant of the Imen'kovo Culture: the results of the study and the features	257
List of abbreviations	293

УДК 904:726.84(470.51)''653''(045)

**БОЯРСКИЙ («АРАЙ») МОГИЛЬНИК – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ПРИКАМЬЕ**

© 2018 г. Е.М. Черных, О.Ф. Хайруллина

Статья посвящена анализу результатов исследований одного из новых могильников мазунинского типа в Среднем Прикамье – Боярского, изученного в ходе археологических работ 2002–2009 гг. Общее количество исследованных погребений – 183, без учета разрушенных грабителями. Аналогии вещевому инвентарю и даты по ^{14}C дают широкие временные рамки использования некрополя – III–V вв. н.э. Обращается внимание на ряд специфических черт погребальной обрядности, среди которых: высокая доля детских захоронений, значительное количество нетипичных погребений (с нарушенными костяками). Своеобразие могильника обнаруживается в некоторых деталях размещения погребального инвентаря, определенной избирательности и скудости находок, отсутствии явных импортов, как это отмечается почти на каждом прикамском могильнике этого времени. Предпринято сопоставление археологических данных и результатов антропологического анализа.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, мазунинский тип памятников, погребальный обряд, инвентарь, физическая антропология

Боярский («Арай») могильник расположен на юго-востоке Удмуртии, в 4 км к западу от д. Боярка Каракулинского района. Площадка могильника занимала край коренного плато правого берега р. Камы, разрушающегося молодыми оврагами. Именно овраги сформировали узкий вытянутый в сторону русла Камы мыс высотой 13 м (рис. 1: 1), с которого открывается перспектива широкой камской поймы (по правому и левому берегам) с заливыми лугами, озерами и старичными протоками, а также самой главной реки, протекающей в настоящее время в 5 км к югу. Еще одно название данной местности – «Арай» – бытует среди жителей близлежащих с. Вятское и д. Боярка.

Могильник был открыт весной 2002 г., после проверки Н.Л. Решетниковым информации жителя д. Боярка С. Хвостовцева, передавшего в Сарапульский краеведческий музей ряд вещей из окрестностей деревни. Сотрудниками Удмуртского госуниверситета, выезжавшими на указанное место, был установлен факт варварского разрушения «черными копателями» прежде неизвестного науке могильника середины I тысячелетия н.э. (следы бульдозерных траншей и разбросанные на поверхности кости человека свидетельствовали о деятельности организованной группы (рис. 1: 2). Картину бедствия усугубила интенсивная овражная эрозия, о чем свидетельствовало обилие человеческих костей в осыпях. В ходе последующих ежегодных спасательных работ на сохранившейся части древнего некрополя были исследованы 183 погребения

(Черных и др., 2004; Черных и др., 2005; 2007; 2010; 2011; Черных, 2014).

Захоронения на могильнике совершены в грунтовых ямах, без внешних признаков. В прошлом, вероятно, какие-то надмогильные сооружения все же существовали, о чем свидетельствует четкость рядов могил, с редкими случаями взаимонарушений, хотя сами ряды и могилы расположены достаточно близко друг к другу (рис. 1: 2). Сохранились 16 рядов, различающихся количеством могил (от 3 до 31). Сам некрополь, по-видимому, имел в прошлом искусственные ограждения, от которых сохранились (фрагментарно) ряды столбовых ям в северной напольной и южной мысовой частях погребального поля. Возможные следы ограждения были отмечены и для группы погребений 163–165.

Характеристика погребальных сооружений

Могильные ямы имели, в основном, прямоугольную или близкую к прямоугольной форму (164 могилы – 89,6%) (рис. 2: 1), вертикальные или слегка наклонные стенки (166 погребений – 90,7%) и плоское дно (168 погребений – 91,8%). В единичном числе встречены ямы нестандартных форм: – округлая/овальная, подтреугольная (рис. 2: 2), подтрапециевидная. Овальная форма ямы зарегистрирована у детских захоронений.

У 37 погребений целостность ям нарушена вследствие осыпания в формирующийся овраг склонов мысовой площадки, действий «черных копателей», в единичных

случаях – за счет древних перекопов (взаимонарушений). Размеры могильных ям следующие: преобладает длина до 150 см (48 погр. – 26,2%), ширина – 71–90 см (64 погр. – 35,0%), глубина – 61–80 см (60 погр. – 32,8%). Довольно значительно варьируется глубина могильных ям – от 0,20 до 1,45 м. Очевидно, что размеры ям определялись ростом умерших и количеством захороненных. Жесткой зависимости параметров ямы от количества умерших, возраста погребенных или других факторов замечено не было. При корреляции длины и ширины могильных ям выделяются 2 группы погребений: 1) длиной до 150 см и шириной 28–50 см (27 погр. – 14,8%) и 2) длиной 211–240 см и шириной 71–90 см (24 погр. – 13,1%). Корреляция признаков «длина и глубина могилы» показала, что разброс значений небольшой, однако выделяется группа погребений (21 случая, 11,5%) длиной до 150 и глубиной до 40 см. Таким образом, для Боярского могильника, как и для остальных мазунинских некрополей, характерны «узкие, длинные, неглубокие прямоугольной формы могильные ямы» (Останина, 1997, с. 22).

Ряды погребений вытянуты по линии ЮЮВ-ССЗ. Могильные ямы, в основном, ориентированы по линии СВ-ЮЗ (69 погр., 37,7%), с сезонными отклонениями к северу и востоку (74 погр., 40,4 %), что обусловлено, скорее всего, направлением на ближайший водоток – р. Кама.

Остатки деревянных погребальных конструкций обнаружены в 82 погребениях у 89 погребенных (46,3% от 192 индивидов, найденных *in situ* в погребениях). Тип внутримогильного сооружения определен в 53 случаях (59,6%): 1) ящик (гробовище) (пп. 16, 23) (рис. 2: 1, 5) или его разновидность, с «ручками» (25 случаев – 28,1%) (рис. 2: 6), 2) настил из досок (24 случая – 27%) (рис. 2: 2), 3) колода (2 случая – 2,2%), 4) носилки с ручками (2 случая – 2,2%) (рис. 2: 3). В 36 случаях (40,4%) определить тип конструкции не удалось; можно лишь констатировать наличие верхнего и (или) нижнего перекрытий (пп. 30, 37, 43, 63, 65, 115Б, 125, 146, 168), остатков в виде рамы (пп. 68, 69, 143, 152), тлена древесной коры (пп. 76, 161) или отдельных кусков полусгнившего дерева (21 случай). В 5 коллективных погребениях (пп. 23А, В, 115А, Б и Г, 136А, Б, 145А, Б, 176А, Б) обнаружено по несколько деревянных погребальных конструкций, отдельных для каждого умерше-

го (рис. 2: 5; 3: 1). Это также не противоречит наблюдениям Т.И. Останиной, что количество погребальных конструкций могло доходить до трех в одной могиле (Останина, 1997, с. 23).

Все обнаруженные внутри могил погребальные конструкции были изготовлены без металлических гвоздей (в одном случае (п. 81) определена порода дерева – хвойные). Следует также отметить, что в 7 могилах (пп. 8, 58, 68, 74, 86, 109, 158) зафиксированы следы температурного воздействия: это обугленные плахи, углистые пятна или отдельные угли в слое заполнения и рядом с костяками.

Останки погребенных

Антропологическая коллекция могильника насчитывает останки 217 индивидов, исследованных научным сотрудником МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург) И.Г. Широковым. Останки различной степени сохранности были обнаружены в 172 из 183 погребений. С учетом костей, собранных после грабительских раскопок, число погребенных составило 217 человек. В общей генеральной совокупности удалось определить пол и возраст у 185 индивидов (85,3%) – 67 мужских (30,9%), 54 женских (24,9%) и 64 (29,5%) детских (Широков, Черных, 2016). В 11 погребениях костяки отсутствовали (пп. 99, 108, 113, 131, 149, 160, 161, 164, 165, 167, 181).

Все захоронения совершены по способу труположения. Поза погребенных определена в 135 случаях (70,3% – от количества костяков, найденных в погребениях). В основном, умершие лежали вытянуто на спине, кости верхних и нижних конечностей вытянуты вдоль тела, что признается типичным для мазунинских могильников (Останина, 1997, с. 24). Вариации в положении верхних и нижних конечностей редки, например: «верхние конечности согнуты в локтях, кисти уложены на таз», «одна верхняя конечность вытянута, другая уложена на таз». Есть и более интересные случаи: в коллективном п. 115 верхние конечности костяка Г (женщина, 20–30 лет) «обнимают» детский костяк В (рис. 3: 6); у некоторых костяков (пп. 30, 40, 52, 109А, 135, 138, 139, 152) кости верхних и (или) нижних конечностей расположены так близко друг к другу, что создается впечатление, будто они были связаны или чем-то плотно спеленаты (рис. 3: 2).

Зафиксирован один довольно интересный случай (п. 16), когда костяк был уложен на боку: умерший (мужчина, 25–35 лет) найден в «скорченном» положении, на левом боку, руки его согнуты в локтях и скрещены между

собой (связаны?), пальцы левой руки уложены под челюстью, нижние конечности согнуты в коленях (рис. 2: 1). «Скорченные» костяки на мазунинских памятниках – явление крайне редкое (Останина, 1997, с. 24, табл. 4). Кроме Боярского могильника, подобные случаи отмечены в Старо-Кабановском (п. 132, захоронение № 1), Сайгатском (п. 15) и в поздней части (III–V вв.) Тарасовского могильника (п. 1045) (Васюткин, Останина, 1986, с. 77; Стоянов, 1962, с. 125, рис. 18; Голдина Р.Д. и др., 2015, илл. 34: 9).

Умершие были уложены, в основном, головой в юго-западный сектор: ЮЗ (31,3%), ЗЮЗ (22,4%), ЮЮЗ (11,5%), З (10,4%), то есть в сторону реки. Речная ориентация погребенных, по мнению многих исследователей, была характерной для прикамских культур, начиная с эпохи финальной бронзы (маклашеевские, ананьинские, пьяноборские могильники (Збруева, 1952, с. 115; Халиков, 1969, с. 302; Чижевский, 2008, с. 80).

Захоронения, в основном, одиночные, но встречаются могильные ямы с несколькими костяками (15 случаев – 8,2% от общего количества зафиксированных на могильнике погребений): 12 парных погребений (п. 145; рис. 3: 1), два погребения с тремя костяками (п. 23, 81; рис. 2: 4, 5) и 1 погребение – с пятью костяками (п. 115; рис. 3: 6). В парных захоронениях на могильнике погребали вместе, главным образом, женщин и детей (5 случаев: пп. 10, 45, 109, 127, 132), вероятно, матерей 20–35 лет и их маленьких детей (новорожденных, или 2–3 лет). Исключением можно считать случай, когда в могиле была захоронена женщина 50 лет и новорожденный ребенок (п. 32). В парных могилах также были захоронены мужчины, как правило, одного возраста (п. 145) (рис. 3: 1), или с небольшой разницей в возрасте (10–15 лет; пп. 33, 136). В п. 176 были захоронены две женщины (пол определен по инвентарю); в п. 112 – мужчина и ребенок, причем, косточки последнего оказались сложенными под глиняным сосудом; в п. 66 находились женщина 30–40 лет и мужчина около 50 лет (муж и жена?); в п. 144 – двое детей 5–6 лет и 7–8 лет (рис. 3: 3). В тройном п. 23, возможно, захоронена семейная группа – мужчина и женщина 30–40 лет и маленький ребенок 5–6 лет (рис. 2: 5); в п. 81 захоронены женщина 40–50 лет и двое детей – 8–10 лет и более полугодом (рис. 2: 4). Очевидно, какой-то несчастный случай или болезнь унесли из жизни целую семью из пяти человек (п. 115) – двух мужчин 25–40 лет, двух

женщин 14–18 и 20–30 лет и одного ребенка (рис. 3: 6).

Ориентация захороненных в коллективных могилах ничем не отличается от одиночных, за исключением позиции «валетом». Такой способ размещения покойников был обнаружен в двух парных захоронениях 66 и 144 (рис. 3: 3). В погребении 115 с пятью костяками один из умерших (Д, женщина, 14–18 лет), уложенный с краю, был развернут в противоположную остальным четверым сторону (рис. 3: 6). Следует также заметить, что парные захоронения (мужчина и женщина; пп. 33, 136, 145, 176), независимо от количества и состава погребального инвентаря, имели довольно просторные могильные сооружения; в трех из них зафиксированы индивидуальные гробовища (пп. 136, 145, 176) (рис. 3: 1).

Выделяются захоронения с явными отклонениями от установленной нормы погребения, с нарушенной схемой скелета (40 погр. (21,86%) и 41 костяк)¹. Столь высокая доля нарушений останков погребенных побуждает рассмотреть их более пристально. Анализ погребений с нарушенными останками позволил выделить две группы отклонений:

1. Костяки, у которых отмечены «тотальные» нарушения анатомического порядка (10 случаев; пп. 24, 26, 27, 47, 55, 71, 109Б, 115А, 123, 132Б). Схема нарушений выглядит следующим образом:

1а) костяк полностью разрушен, кости приурочены к определенной части могилы (пп. 24, 26, 27, 55, 71, 109Б, 123, 132Б) (рис. 3: 4);

1б) кости разбросаны по всей площади дна могильной ямы (пп. 47, 115А) (рис. 3: 6).

В данной группе оказались костяки, принадлежавшие индивидам разного пола и возраста – от новорожденного до взрослого 40–50 лет. В четырех погребениях из 10 (пп. 26, 47, 115А, 123) имелся погребальный инвентарь, правда, весьма невыразительный: застежка с неподвижным крючком, накладная, остатки железных вещей. Лишь в п. 115А были обнаружены 13 костяных наконечников стрел, но они не были сложены компактно, как это отмечено в других мужских погребениях, а оказались разбросанными по могиле (рис. 3: 6). Симптоматично, что в коллективных погребениях 109, 115, 132 нарушенные костяки «сосуществовали» с сохранившимися

¹ В данную статистику были отобраны только те погребения, в которых отмечен антропологический беспорядок костей в ненарушенной части могилы

анатомический порядок (рис. 3: 6), что свидетельствует об избирательности такой ритуальной практики. Кроме того, в данной группе зафиксированы случаи отсутствия лишь некоторых элементов скелета (п. 27 – кости конечностей; п. 55 – череп, грудная клетка, таз, кисти, ступни; п. 71 – череп, грудная клетка, таз, длинные кости конечностей).

2. Костяки с сохранившимся анатомическим порядком; нарушения наблюдались лишь в отношении отдельных частей скелета (31 случай):

2а) нарушения, связанные с черепом; выявлены в 5 случаях (пп. 13, 18, 37, 78, 145А).

Череп отсутствовал в пп. 78 и 145А; был перемещен один (п. 37) или вместе с частями грудной клетки – лопатка, ребро (п. 13). Голова умершего в п. 18 была отсечена и уложена слева на плечо (рис. 4: 1). Помимо отчлененного черепа, у умершего также отсутствовали ступни ног. Смещение черепов от положения *in situ* отмечено в двух женских погребениях (пп. 13, 37) и в одном мужском (п. 18), не имевших инвентаря.

Показательным следует признать отсутствие черепов в захоронениях мужчин наиболее дееспособного возраста – 18–22 и 25–40 лет (пп. 78 и 145А) (рис. 3: 1, 5), сопроводительный инвентарь которых представлен ножами, стрелами, поясными пряжками и т.д. В пользу того, что это, скорее всего, жертвы военного столкновения, может свидетельствовать застрявший в костях одного из них наконечник стрелы (п. 78).

2б) нарушения связаны с грудной клеткой (14 костяков: пп. 23А, 23В, 25, 32, 46, 52, 89, 106, 135, 138, 146, 152, 159, 183).

Условно можно выделить костяки, у которых при относительно хорошей сохранности отсутствовала лишь часть грудной клетки (п. 32, 52, 106 (рис. 4: 2), либо кости грудной клетки были смещены/разбросаны по могиле (пп. 23А, 23В, 25, 46, 89, 135, 138, 146, 152, 159, 183). Ребра, позвонки ключицы, лопатки могли быть рассеяны по всей длине костяка (пп. 89, 146, 152, 183) (рис. 4: 3), либо сложены компактно в ногах или в верхней части костяка (пп. 25, 46, 135, 138, 159) (рис. 4: 4). Выделяются останки, у которых, в основном, разрушена одна сторона грудной клетки – левая (пп. 89, 146, 183) (рис. 4: 3) или правая (пп. 23А, 152) (рис. 2: 5). Данные разрушения зафиксированы как в мужских (8 случаев), так и в женских (5 случаев) захоронениях. В погребениях подгруппы 2б нередки случаи,

когда вместе с грудной клеткой были задеты кости верхних конечностей или черепа.

Инвентарь захоронений достаточно разнообразен и выразителен – ножи, стрелы, дарственные наборы, наборный пояс, бусины и т.д. Но есть и могилы без инвентаря; в данной группе их 5.

2в) нарушение верхних конечностей скелета – 4 случая: левой кисти (п. 11, 70, 73) (рис. 4: 5) или левой верхней конечности (п. 40). Такие нарушения представлены только в мужских захоронениях; погребальный инвентарь присутствовал во всех могилах.

2г) нарушение нижних конечностей – 4 случая: пп. 10А, 81А, 139, 155.

В этой группе отмечено смещение берцовых (вместе с правыми лучевой и локтевой костями; п. 10А), бедренных и берцовых костей (пп. 81А, 155)² (рис. 2: 4), вместе с тазовыми костями (п. 139). У женского костяка из п. 139 (рис. 4: 6) кости таза были смещены в ноги, бедренные и берцовые – чуть сдвинуты в области колен (связаны?), а лучевые и локтевые кости отсутствовали. Разрушение нижних конечностей представлено в захоронениях женщин 25–50 лет; лишь в одном случае костяк принадлежал мужчине (п. 155).

2д) нарушение большей части посткраниального скелета. Замечено, что кости черепа, берцовые кости, иногда плечевые, как правило, сохраняли свое изначальное положение – 3 случая (пп. 8, 19, 148).

В захоронениях подгруппы 2д, как правило, отсутствовали кости грудной клетки, тазовые, кости рук. В п. 8 были обнаружены только череп, бедренные и берцовые кости. В пп. 19 и 148 кости грудной клетки, верхних конечностей, таза, бедренные кости были разбросаны по всей длине костяка (рис. 4: 7). Разрушение большей части скелета отмечено в двух мужских и женском погребении (п. 148).

Особняком стоит погребение 86. При его расчистке были обнаружены остатки погребальной конструкции небольшого размера, частично обугленной, типа ящика с «ручка-

² В этих погребениях смещение костей могло быть вызвано подзахоронениями. Так, к костяку 81А (женщина, 40–50 лет) был подхоронен ребенок 8–10 лет (81Б), по-видимому, спустя некоторое время, когда мешавшие берцовые кости можно было спокойно передвинуть. Очевидно, то же самое произошло с погребением 155 (мужчина, старше 45 лет), в могилу которого оказался подзахороненным мужчина старше 40 лет (п. 156) (кости его голени отчленены и уложены на бедренных костях).

ми», внутри которого были аккуратно уложены кости ног – берцовые и стопы; вероятно, в могилу были уложены именно кости³ (рис. 2: 6).

Описанные выше варианты нарушений костяков Боярского могильника зафиксированы, как это следует из статистики, главным образом, у мужчин (21 случай), вдвое реже они встречались у женщин (12 случаев). Выявлены они и в детских погребениях (4 случая). Погребальный инвентарь имелся примерно у половины таких костяков (23 случая), как правило, невыразительный. Попутно заметим, что могилы с нарушенными костяками выявлены только в южной и центральной части некрополя.

На площадке некрополя изучено 48 отдельных детских могил (26,2% от общего количества погребений) с останками 49 умерших разного возраста в них (от 0 до 12–14 лет). Еще 10 детей были захоронены в 9 погребениях вместе со взрослыми (пп. 10Б, 23Б, 45Б, 81Б, 81В, 109Б, 112Б, 115В, 127Б, 132Б). Это были дети, в основном, грудного возраста (до года) или чуть старше (до 2–3 – 5–6 лет; исключение – п. 81Б, 8–10 лет). Показательно, что часть детских захоронений оказалась, наряду со взрослыми, подвергнута в древности разрушениям.

Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь в Боярском могильнике зафиксирован в 106 могилах (57,9% от всех изученных погребений). Доля безынвентарных погребений составила, таким образом, 42,1% (в мазунинских могильниках этот показатель варьируется от 12,2 до 36,6%). Близки к нему только Усть-Сарапульский (35,7%) и Быргындинский (36,6%) могильники (Останина, 1997, с. 30, рис. 2б), расположенные также в Удмуртском Прикамье.

Корреляция погребений без инвентаря с параметрами пола и возраста выявила следующие особенности: половина погребений без вещей принадлежала детям (39 случаев, 51,3% от количества костяков без инвентаря). Меньшая доля безынвентарных могил зарегистрирована для погребений взрослых (37 костяков, 48,7%) – мужских (13 случаев, 17,1%) и женских (16 случаев, 21,1%). У 8 костяков (10,5%) пол не определен.

³ Целенаправленное выборочное рассмотрение костей из погребений с нарушенным анатомическим порядком И.Г. Ширококовым не выявило никаких признаков преднамеренного расчленения – только следы археологических ножей и падения сухих костей с большой высоты.

Важно отметить, что в 11 безынвентарных погребениях не было зафиксировано и останков погребенных. Исключением является п. 167, в котором обнаружен невыразительный обломок железной вещи.

Состав находок в могильнике представлен 31 категорией. В числе самых популярных – поясные пряжки (у 62 умерших⁴), ножи (у 49 умерших), а также бусы. Эта важная категория артефактов зафиксирована в 42 могилах, у 44 умерших, главным образом, у женщин (23 случая). Но бусы встречались также в мужских и детских погребениях (12 и 8 случаев, соответственно)⁵.

Пряжки Боярского могильника (всего 84 экз.) (рис. 7:5, 7–9) входили, в основном, в состав мужских инвентарных наборов (39 погребений), реже – женских (16 случаев) и детских (6 случаев). В мужских погребениях они встречены в области таза (25 случаев), примерно столько же – 20 – в изголовье, у плеча или в области ног погребенного, что явно отражает две традиции расположения пояса в могиле – на месте ношения и (или) вдоль тела умершего. В женских и детских захоронениях пояса (пряжки) не имели четко определенного места.

Вторыми по частоте встречаемости являются украшения головного убора. Культурную принадлежность погребенных подчеркивают височные подвески мазунинского типа (рис. 5: 4, 5, 7). В могильнике они обнаружены в количестве 59 экземпляров (22 погребения, у 24 костяков), главным образом, в составе захоронений женщин от 14 лет и старше (21 случай). Это лишний раз подтверждает, что височные украшения мазунинцев можно рассматривать как маркер пола. В подавляющем числе случаев (20 погребений) височные подвески являлись частью жертвенных комплексов (дарственных наборов), где встречены в количестве от одной до пяти, но чаще все-таки попарно. Большая часть из них (46 из 59) представляет собой вариант 3 (по Т.И. Останиной) – железный стержень, обвитый медной проволокой (рис. 5: 7).

Собственно головной убор с тканевой основой и металлическим декором зафиксирован в погребении 168, принадлежав-

⁴ Пол определен у 61 костяка, за исключением п. 65.

⁵ Пол определен у 43 костяков, за исключением п. 158. Бусы Боярского могильника (всего их найдено 2048 экз.) проанализированы Е.В. Голдиной, включившей их в общую типологию, разработанную ею для камских могильников I тысячелетия н. э. (Голдина, Черных, 2015; 2015а).

шем молодой женщине 20–30 лет и явно выделяющем ее на фоне остальных могил. Вероятно, еще один головной убор (остатки кожаной ленты с металлическими украшениями) найден также в женском погребении 141 (25–30 лет), в составе дарственного набора. В 7 захоронениях в составе женского инвентаря встречены фрагменты накольников, сплетенных из железных колечек, с различными по форме подвесками. В 6 случаях они обнаружены в дарственных комплектах (4 – женских и 2 – детских). Только в п. 168 обнаружены два накольника: один – в составе собственно головного убора на черепе умершей, детали второго были уложены в дарственный набор.

Украшением костюма служили пронизки, накладки/бляшки и подвески (рис. 5: 1, 2) различных типов, чаще всего фиксировавшиеся опять же в составе дарственных комплектов в погребениях женщин и детей. В редких случаях устанавливается их место в костюме (головные уборы, пояса). Среди подвесок: плоская, с круглым расширением в нижней части «каплевидные» – п. 94 (рис. 5: 8), граненые прямоугольные, т.н. оселки (пп. 106, 115Б), плоская треугольная, с закругленной нижней частью (п. 145А), плоская круглая, с прямоугольным узким выступом (п. 168). Разнообразием отличаются пронизки: спиралевидные (пп. 10А, 168; рис. 6: 1) или выполненные из плоского листа металла, завернутого в трубочку (пп. 31, 89); накладки-обоймы (п. 168) с декором в виде ряда полугорошин, выполненных чеканом (рис. 6: 2); круглые плоские или сегментовидные в сечении бляшки-накладки с ушком для крепления: (п. 81Б, 94, 115Б)(рис. 8: 1–3), со штифтом (п. 109), или с тремя отверстиями (п. 168); ажурные накладки – п. 168 (рис. 8: 11).

Гривны (14 экз.) и браслеты (12 экз.) не являлись, по всей видимости, излюбленным аксессуаром в костюме «боярцев» (рис. 5: 6). И те и другие выполнены, главным образом, из железа, иногда дополнительно перевиты медной проволокой (гривны). Их размещение в могиле определяется, в основном, составом дарственных комплектов в женских погребениях.

Еще одна приметная категория мазунинского инвентаря – фибулы (15 экз.: 13 – в 11 захоронениях и 2 – из разрушенных могил). Все они, в основном, принадлежат к типу «бабочковидных», изготовленных из медных сплавов или биметаллические (рис. 5: 3; 6: 4, 5). Лишь две фибулы были обнаружены на груди умерших, демонстрируя тем самым их

место в костюме (пп. 42, 115Г; рис. 2: 2; 3: 6). Одна фибула (в разрушенном состоянии, тип не определен) найдена в дарственном комплекте мужского погребения (п. 115Б). Остальные являлись частью дарственных наборов женских погребений. Сьюльгамы (17 экз. в 15 погребениях; рис. 5: 9) – преимущественно «женская» категория; они не имели твердо установленного места в костюме. Встречены в области черепа, груди, или рук. В 5 случаях были обнаружены в составе дарственных наборов.

Глиняная посуда в Боярском могильнике найдена в небольшом количестве (10 погребений: 63, 81Б, 104, 105, 112А, 118, 136А, 148, 154, 180), что в целом характерно для мазунинских некрополей (Останина, 1997, с. 30). Представлена 15 целыми сосудами и их фрагментами, расчищенными рядом с умершими или в засыпи могил. Целые сосуды найдены в детских захоронениях – в области черепа (пп. 81Б, 104, 154) или в ногах (п. 118); у взрослых – справа у черепа / в изголовье (в женском п. 105 (30–40 лет) и в мужском п. 112А (40–50 лет)). Сосуд, найденный в детском погребении 154, служил емкостью для дарственного комплекта. Отдельные фрагменты керамики найдены в составе дарственного набора в п. 148 (женщина, 40–50 лет), в области ног (п. 63, мужчина, 40+ лет) или в засыпке могил (п. 136А, мужчины – 20–30 и 40–50 лет; п. 180, пол и возраст не определены)⁶.

Керамический комплекс характеризуется горшковидными и чашевидными формами сосудов, с профилированной шейкой и округлым туловом. Различия, в основном, касаются формы горловины и высоты шейки. Орнаментированы сосуды скупо: ногтевыми или пальцевыми вдавлениями по краю венчика и (или) плечу (пп. 81Б, 112А, 118, 154). Единственная явная композиция отмечена на миниатюрном сосуде из п. 104: это горизонтальные и вертикальные линии, нанесенные ямочными вдавлениями круглой формы.

Как следует из довольно беглого обзора погребального инвентаря, в Боярском могильнике отмечена общая для мазунинских некрополей черта – размещение вещей не на месте их ношения, а в дарственных комплектах (жертвенных комплексах, по Т.И. Останиной, подарочных наборах, по Р.Д. Голдиной). Абсолютное большинство охарактеризованных

⁶ Рассматривать их как часть погребального инвентаря можно с большими оговорками, поскольку на площади могильника выявлены остатки разрушенного культурного слоя более раннего селища

вещей (2016 экз. из 28 погребений, у 30 костяков) размещалось именно в них. Дарственные комплекты являлись частью, главным образом, женских захоронений (22 случая), всего в 7 случаях – детских, как исключение – одного мужского (п. 115Б). Помещались они, в основном, в «ногах» (17 случаев) умерших (п. 89; рис. 4: 3), что не совсем типично для мазунинцев, но является обычным, например, для кара-абызских могильников (Останина, 1997, с. 26). Обычай снимать с умершего вещи и укладывать их в могилу отдельно от костюма распространялся также на пояса (обычные и наборные) (пп. 23А, 109А, 115Д, 134, 141, 168) и гривны (пп. 58, 177).

В 27 могилах, у 29 погребенных (14,5%) были встречены предметы вооружения. Это, в основном, стрелы с костяными черешковыми наконечниками ромбического или треугольного сечения, которые, впрочем, могли использоваться как в бою, так и на охоте (рис. 9: 5–9). Собственно оружие представлено тремя железными дротиками (рис. 9: 10) и двумя железными душипными наконечниками стрел (рис. 9: 3, 4). С этим же комплексом связаны находки железных колчанных крючков (рис. 9: 1) и пинцетов (рис. 9: 2).

Необходимо упомянуть находку обломка наконечника стрелы из яшмовидной гальки (п. 82). Эта «громовая стрела» была найдена в области пояса умершего и, возможно, служила охотничьим талисманом. В целом можно сказать, что мужчины, захороненные в Боярском могильнике, были больше охотниками, нежели воинами.

Подытоживая сказанное о погребальном инвентаре Боярского некрополя, можно выделить своеобразие «женских» и «мужских» наборов вещей. Вполне надежными индикаторами женских погребений являлись височные подвески (21 сл.), гривны (9 сл.), браслеты (5 сл.), сьюльгамы (12 сл.) и фибулы (11 сл.), бусы (23 сл.), подвески и привески (9 сл.), накладки (9 сл.), пронизки (14 сл.), шилья (9 сл.). Преимущественно женские погребения сопровождалось дарственными комплектами, наборными поясами, уложенными в расправленном виде вдоль тела умершей (5 случаев из 6 установленных). Только в женских погребениях обнаружены сложные, декорированные металлическими деталями, головные уборы.

Для мужских погребений характерны: простые пояса с одной пряжкой (39 случаев), железные ножи в области таза (31 случай), бусина в области таза или бедер (9 случаев), пряслица (3 случая из 4), наконечники

стрел, дротики, колчанные крючки и пинцеты (п. 119) (рис. 4: 8). Вызывает вопрос отсутствие в изученной серии предметов конского снаряжения.

Анализ сопровождающего инвентаря в контексте антропологического материала обнаруживает существование определенных категорий (возрастных/социальных) в детской группе погребений. Почти треть детских могил имела инвентарь (20 из 59); можно предполагать существование определенной дифференциации среди них по составу (разнообразию категорий) вещей. Так, в 7 детских захоронениях (пп. 50, 74, 81Б, 104, 118, 154, 177) присутствовал дарственный набор, включавший от 2–3 до 6 и более категорий инвентаря, в основном, украшений. Эти же погребения сопровождалось глиняными сосудами (4 случая). У остальных детей в захоронениях встречались по одной – две, редко – три (п. 21), категории находок – это пряжки, ножи, сьюльгама, пронизка.

Небезынтересным представляется местоположение некоторых вещей в детских могилах. Так, в трех случаях вместе с ребенком помещался железный нож (пп. 23Б, 93, 94; от 2–6 до 9–11 лет), занимавший такое же место, как и в захоронениях взрослых мужчин – слева на поясе. Тот же принцип характерен и для поясов (пряжек): они обнаружены на месте ношения (на тазу) или расправленными вдоль тела (пп. 29, 80, 84, 93, 94). Возможно, таким образом, «взрослая статусная мода» могла распространяться и на подрастающее поколение.

В целом, облик находок соответствует инвентарным наборам мазунинских погребений IV – рубежа IV/V вв. Но нельзя не заметить в составе погребального инвентаря несколько весьма выразительных вещей, время бытования которых в Прикамье ограничивается III в. н.э. (бронзовая бабочковидная фибула раннего типа из п. 132 (рис. 5: 3), фасетированные поясные накладки⁷ (рис. 7: 1), некрупные височные подвески мазунинского типа свитые из 2–х медных проволочек (рис. 5: 4, 5), отнесенные Т.И.Останиной к варианту 1 (Останина, 1997, рис. 51). Часть предметов и вовсе выбивается из данного культурно-хронологического контекста (прежде всего, это раннегандинские ажур-

⁷ Благодаря представительным материалам Тарасовского могильника, время бытования фасетированных гарнитур в Среднем Прикамье Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц ограничивается III в. н. э. (2016, с. 20–22, рис. 2; 2017, с. 55, рис. 4).

ные накладки, застежка с неподвижным крючком, полукруглые с перекладами пронизки, крупные прямоугольные обувные накладки, некоторые типы бляшек-накладок) (рис. 8). Погребения с указанными находками сосредоточены в ранней (восточной) части могильника. В этих же рядах, находились могилы, для которых получены абсолютные радиоуглеродные даты II–III вв. (пп. 125, 158, 164). Калибровка дат с вероятностью 68,2% для двух образцов древесины из пп. 125 и 158 также показывает III век (рис. 1: 3).

Близки к ним на территории кладбища могилы, в сопроводительном инвентаре которых раннегандинские изделия обнаружены совместно с типично мазунинскими вещами (пп. 31, 40, 42, 81, 90, 94, 115, 123, 141, 154, 168, 176, 177). Но при этом заметим (и это хорошо видно из приводимой схемы (рис. 10), что раннегандинские хроноиндикаторы в целом ряде комплексов сопровождаются наиболее поздними мазунинскими (массивные височные подвески на железной основе, крупные биметаллические фибулы, железная пластинчатая гривна с секировидными привесками (п. 42). Эти сюжеты требуют более пристального анализа.

Антропологическая характеристика группы

Достаточно детальный антропологический анализ захороненных в Боярском могильнике, а также предварительные палеодемографические расчеты для него были выполнены И.Г. Ширококовым. Позволим себе лишь кратко повторить уже опубликованные выводы исследователя (Ширококов, Черных, 2016).

На долю мужчин в данной палеопопуляции приходится 56,2% (среди взрослых с установленным полом), на женщин – 43,8%. Средний возраст погребенных – 26 лет. Дети составляли треть от общего числа погребенных (33,4%), старшая возрастная когорта (индивиды старше 50 лет) – 12,1%. Примерно треть умерших с определенным возрастом относится к категории моложе 15 лет (больше половины из них вошли в первый пятилетний интервал), каждый восьмой умерший – к старшей группе (более 50 лет). Изучение антропологического материала позволило И.Г. Широкову высказать предположение, что популяция испытывала некоторое стрессовое воздействие, в большей степени отразившееся на женской части населения. Но, вместе с тем, как у мужчин, так и у женщин фиксируется постепенное увели-

чение вероятности смерти, достигающее локального максимума в возрастном интервале 30–35 лет.

В составе антропологической выборки исследователем выделены два краниологических комплекса. Первый – низколобовый мезокранный тип с умеренно или слабо выступающими носовыми костями, обозначен как субуральский (истоки его И.Г. Ширококов склонен видеть в пьяноборских и карабызских группах населения Прикамья). Второй отличается широким лицом с низкими орбитами (это, главным образом, мужские индивиды) и обнаруживает сходство с серией из наиболее раннего из мазунинских Чепанихинского могильника и ананьинского Измерского VII могильника.

Неожиданную результативность в деле дополнительной верификации отмеченных антропологических различий дала разбивка погребенных по признаку наличия/отсутствия в составе инвентаря наконечников стрел, дротиков, колчаных крючков. Оказалось, что именно группа мужских костяков, сопровождаемых колчанными наборами, отличалась от остальных более крупным черепом, низкими орбитами и выраженным рельефом в области надбровья и надпереносья, большими величинами продольных и охватных размеров конечностей, более высокими показателями условного объема скелета, массы и длины тела. Предварительно можно заключить, что эти индивиды при жизни чаще проявляли себя как хорошие стрелки из лука и их блестящие профессиональные навыки нашли отражение в погребальном обряде.

Любопытен также факт, что как мужчины, так и женщины Боярки, анатомический порядок костяков которых был нарушен, отличались меньшей длиной тела по сравнению с индивидами, останки которых не были потревожены. У женщин из непотревоженных погребений средняя длина тела составляет 154 см, из погребений с нарушенным анатомическим порядком – 149 см. У мужчин соответствующие показатели составляют 166 и 163 см. При этом у мужских скелетов с ненарушенной анатомической целостностью больше относительная длина лучевой кости. Краниологические особенности женщин из нарушенных погребений в большей степени сближаются с другими мазунинскими и пьяноборскими сериями.

Выводы

Исследования нового памятника показали, что Боярский некрополь, по всей видимо-

сти, изучен полностью. В процессе раскопок выявлены границы памятника, к сожалению, существенно пострадавшего как от природных, так и от антропогенных разрушений. Погребальный обряд и инвентарь захоронений Боярского («Арай») могильника обнаруживает все черты, присущие местному населению на позднем (мазунинском) этапе пьяноборской культурно-исторической общности.

Топография могильника позволяет говорить о стремлении «скрыть» его местоположение от посторонних глаз. С площадки могильника открывается достаточно широкий обзор камского побережья, но сама она как бы «утоплена» среди подобных же склонов коренного плато.

Боярский могильник характеризуется рядом черт, выделяющих его среди близких мазунинских некрополей Среднего Прикамья. Отличия усматриваются в преимущественно юго-западном векторе ориентации умерших, в размещении жертвенных комплексов в ногах погребенных (тогда как для мазунинской культурной традиции господствующим признается размещение жертвенных комплексов в изголовье), в большой доле безынвентарных захоронений (более 40%).

Продуктивным для реконструкции исторических процессов в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов выглядит установленный факт антропологической неоднородности социума оставившего данный могильник. В его формировании принимали участие местные группы, но разного происхождения. Собственно пьяноборский компонент хорошо документируется не только антропологическими характеристиками, но и длительным «переживанием» в составе инвентаря женских могил типичных раннегандинских украшений. Особую группу составляли индивидуи, условно названные «воинами» – погребенные с наконечниками стрел. По-видимому, они выглядели довольно brutальными (более крупная голова и тяжелая масса тела) на фоне основной части палеопопуляции. Второй компонент (выделяемый по мужским костякам) менее ясен, но его параметры также не выходят за пределы Прикамья.

Характер мужских захоронений (впрочем, как и женских, но в меньшей степени) свидетельствует о наличии признаков некоторой конфронтации в прикамских обществах позднепьяноборского времени. Это и следы насильственной смерти у некоторых погребенных, и особенности обращения с ними («скорченные», «обезглавленные», «обез-

вреженные» костяки). Почти пятая часть всех захороненных носила следы нарушений анатомического порядка костей. Признаки стресса специалисты отмечают, прежде всего, для женской части группы, средний возраст смерти которой равнялся 36 годам, тогда как у мужчин он составлял 39 лет.

Анализ вещевого инвентаря погребенных дает основания для их датировки, главным образом, в границах IV в. н.э. (большая часть бабочковидных фибул типа 1.2 по Т.И. Останиной, поясная гарнитура, височные подвески мазунинского типа вариантов 1 и 2 по Т.И. Останиной, кольцеобразные подвески типа 5ж, по Н.А. Лещинской (2014, с. 64, табл. 16: 14, 16), с условным «выходом» в V в. (например, железные пластинчатые гривны с привесками, фибулы типа 1.5 по Т.И. Останиной, поясные накладки с железной основой и штифтом, декорированным бронзовой полусферической шляпкой, пронизки-уточки, крупные височные подвески мазунинского типа варианта 3 по Т.И. Останиной). В то же время, нельзя не заметить ряд выразительных комплексов, в составе которых встречены предметы как развитого мазунино, так и те, время бытования которых в Прикамье ограничено II – серединой III вв. (рис. 10). Середина – вторая половина III в. н.э. может рассматриваться как нижняя хронологическая граница существования Боярского некрополя. Вместе с тем, нам представляется, что нет оснований растягивать продолжительность использования данного, в общем-то, небольшого могильника на более чем полтора столетия.

Публикация значительных серий вещей из новых могильников мазунинского (Среднее Прикамье) и азелинского (Нижняя Кама и Вятка) типов, их хронологизация, выполненная Р.Д. Голдиной, В.А. Бернц, Н.А. Лещинской, позволяют более детально рассмотреть динамику культурных изменений, происшедших в регионе на протяжении III в. н.э. Являлись ли они следствием внешних вторжений (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 149) или внутренних социальных потрясений периода «военной демократии» (Лещинская, 2014, с. 210) – вопросы эти будут решаться и корректироваться по мере осмысления уже накопленных фактов. Боярский («Арай») могильник предоставляет яркие свидетельства того, что трансформации прикамских культурных образований в эпоху Великого переселения народов проходили не без острых столкнове-

ний, вызывавших перемещение групп внутри региона, безусловно, не без ущерба для местных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Том 17. № 3 (2). С. 567–575.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 9 (40). Часть 1. С. 93–99.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017 №2.С. 42–72.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск:, 2015. 297 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М–Л.: АН СССР, 1952. 319 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. 472 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 117–134.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Черных Е.М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 437–440.

Черных Е.М., Красноперов А.А., Лаптева Т.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 344–345.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2004 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 377–378.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е., Перевозчикова С.Е. Исследование памятников железного века в Удмуртском Прикамье // АО 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 365–366.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2010. С. 393–394.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2008 года / Отв. ред. С.Б. Григорян, Е.Е. Сырнева. М.: ИА РАН, 2011. С. 389–390.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке: Предананьинская и ананьинская культурно–исторические области / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

Ширококов И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

Информация об авторах:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор. Удмуртский государственный университет. (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

Хайруллина Ольга Фаридовна, магистрант кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); olenbka93@bk.ru

BOYARKA (ARAY) BURIAL GROUND – A NEW SITE OF THE MIGRATION PERIOD IN THE MIDDLE KAMA REGION

E. M. Chernykh, O. F. Khairullina

The article analyses the results of the study of the Boyarka burial ground which is a recently found necropolis of the Mazunino type in the Middle Kama region. The site was excavated from 2002 to 2009. There were excavated 183 burials (excluding the ones that had been destroyed by the looters). Analogies of grave goods as well as ¹⁴C dates prove wide chronological framework of the burial ground from the 3rd to the 5th centuries AD. Much attention is paid on the number of specific features of the burial rite, such as: a high proportion of children's graves, a significant number of atypical burials (with destroyed bones). The originality of the necropolis could be found out in the details of the localization of the grave goods, selectivity and scarceness of findings, lacking of the imports, as can be marked at almost all burial grounds of Kama region of that time. The authors compared the archaeological data and the results of the analysis of the physical anthropology.

Keywords: archaeology, Middle Kama, Mazunino type of sites, burial rite, grave goods, physical anthropology.

About the Authors:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Khairullina Olga F., Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; olenbka93@bk.ru

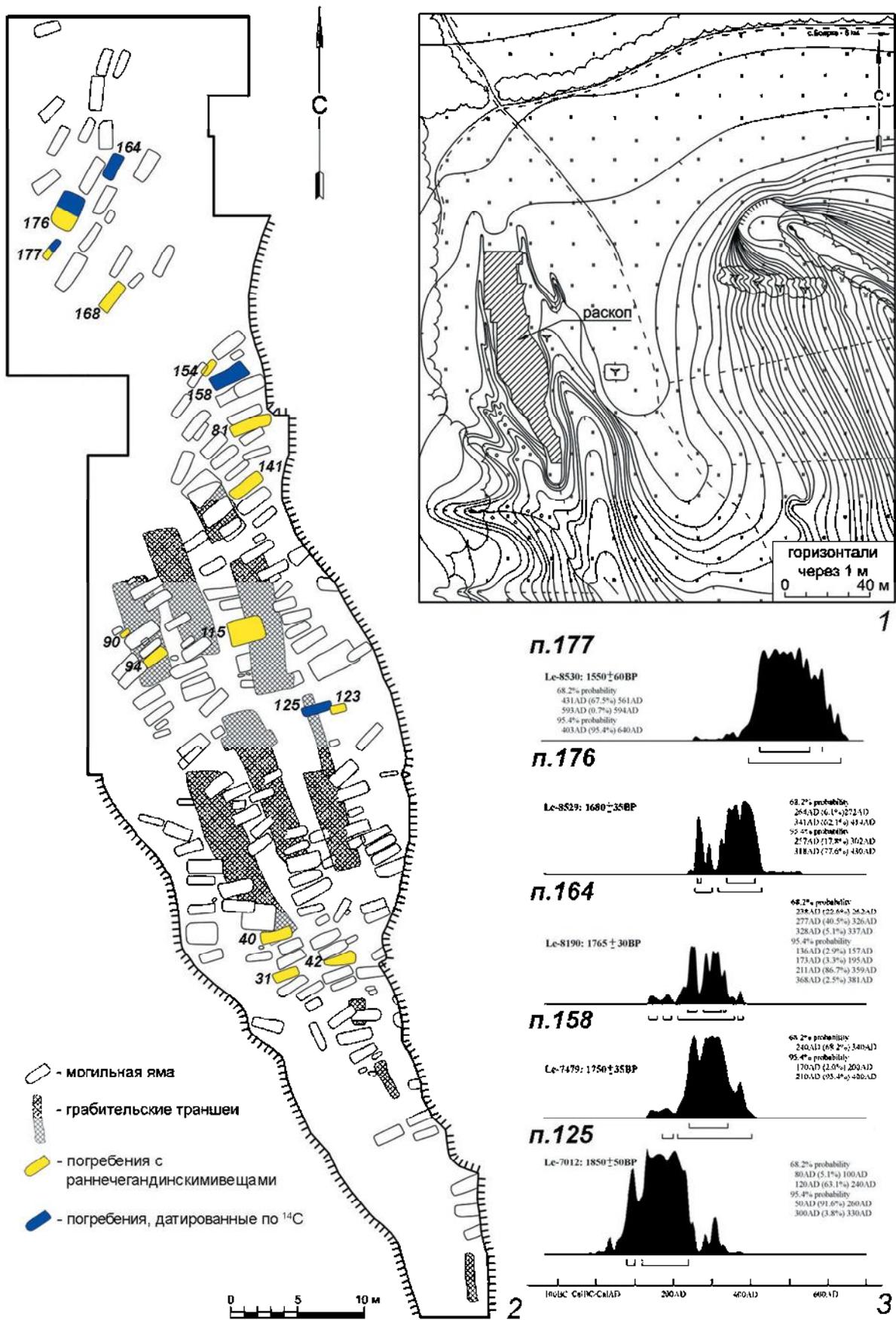

Рис. 1. 1 – топографический план Боярского «Арай» могильника; 2 – общий план раскопа Боярского «Арай» могильника; 3 – абсолютные датировки Боярского «Арай» могильника.

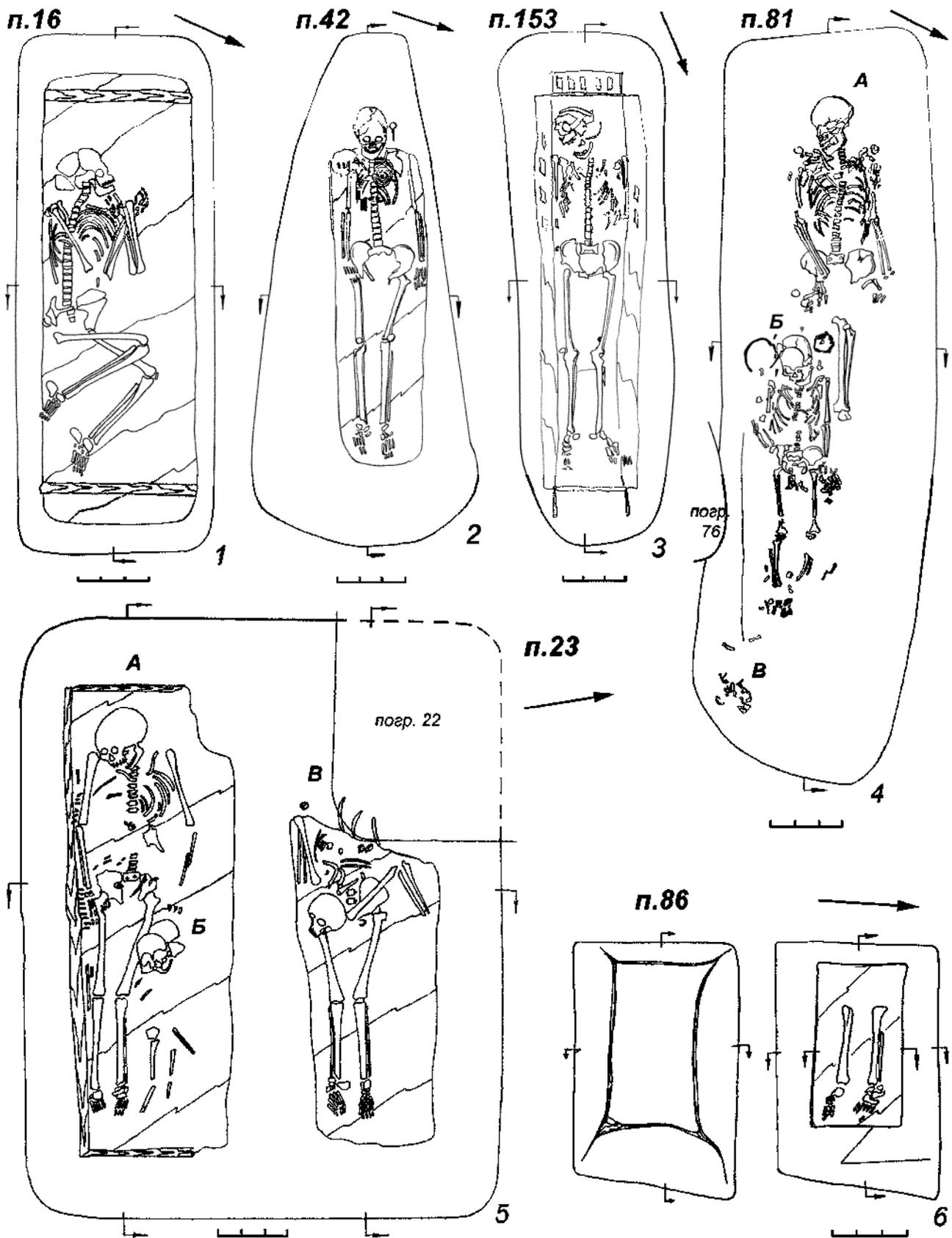

Рис. 2. Планы погребений Боярского «Арай» могильника.

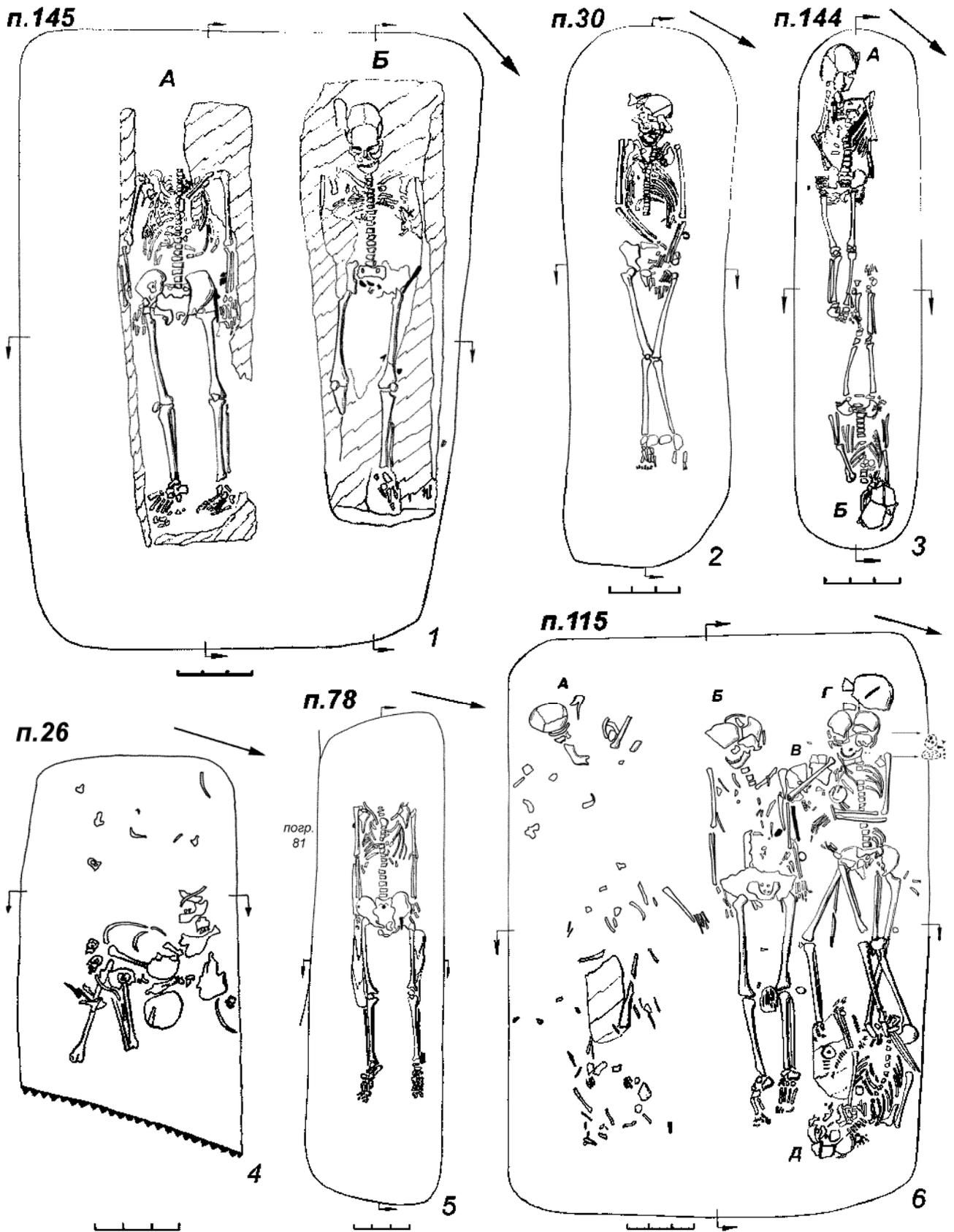

Рис. 3. Планы погребений Боярского «Арай» могильника

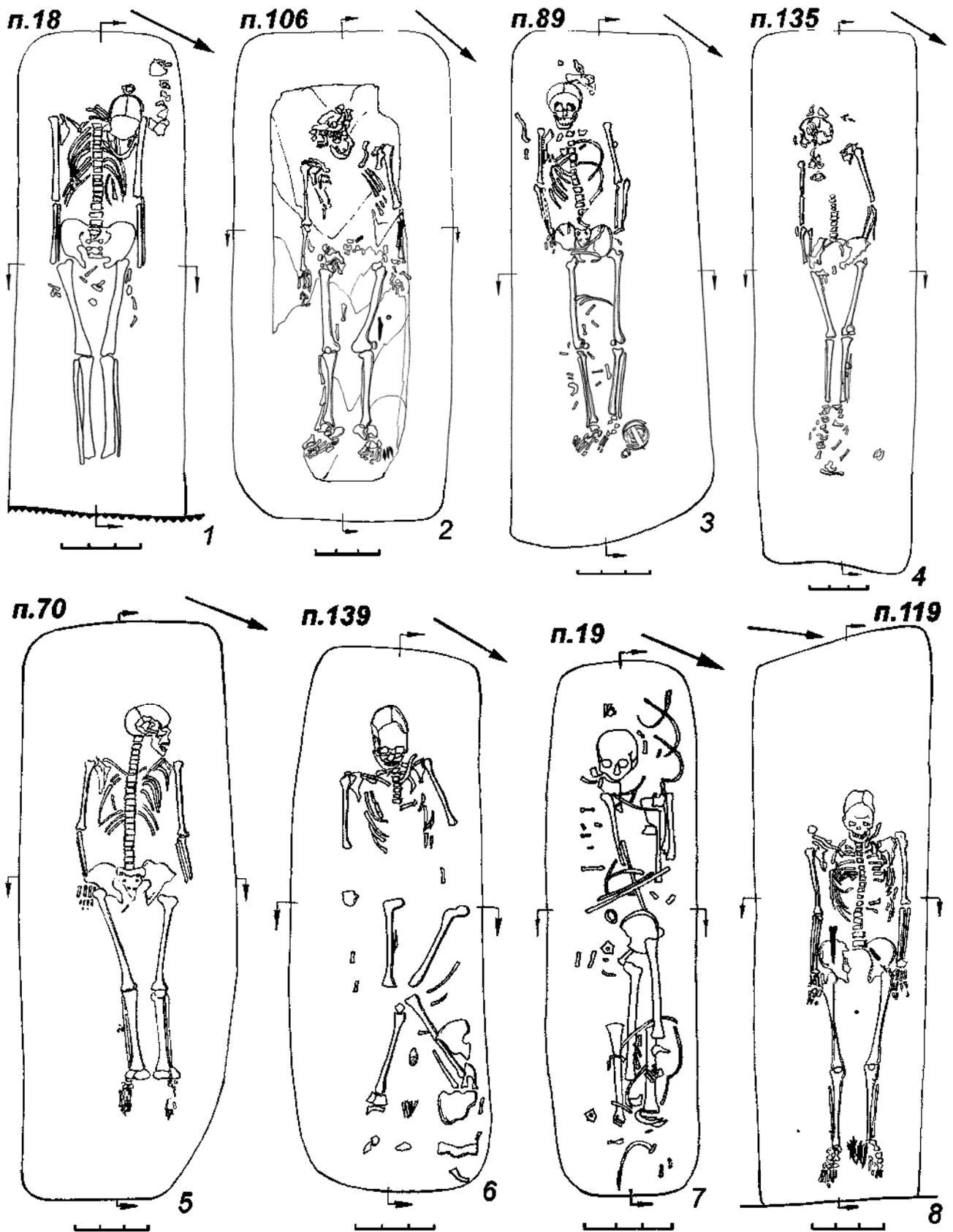

Рис. 4. Планы погребений Боярского «Арай» могильника

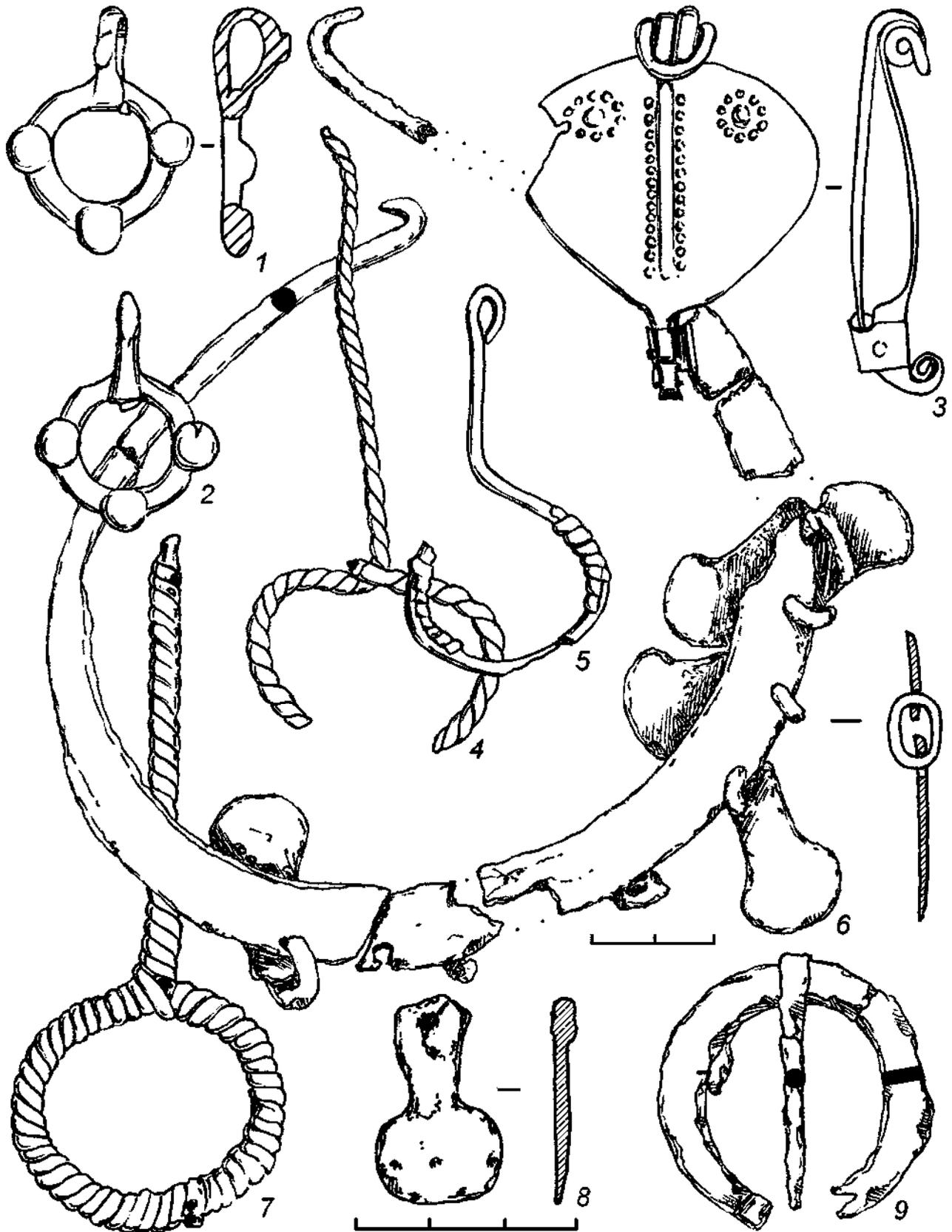

Рис. 5. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника: 1, 2 – подвески (п. 134); 3 – фибула (п. 132); 4, 5, 7 – височные подвески мазунинского типа (пп. 42, 115Д); 6 – гривна (п. 42); 8 – подвеска (п. 94); 9 – сьюльгама (п. 95). 1–5 – бронза; 6, 8, 9 – железо; 7 – бронза, железо.

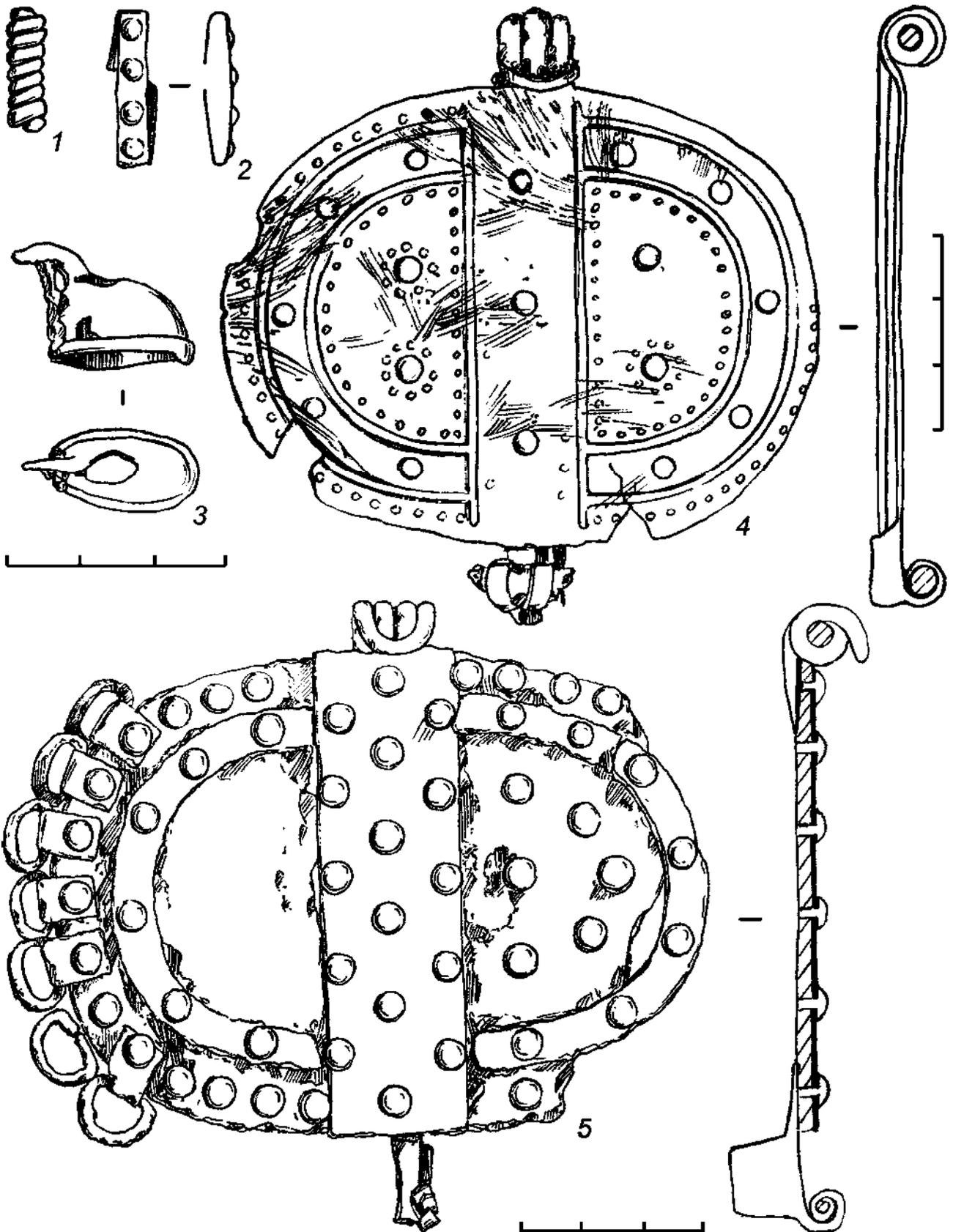

Рис. 6. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника: 1, 3 – пронизки (п.п. 81Б, 141); 2 – накладка-обойма (п. 168); 4, 5 – фибулы (п.п. 89, 102). 1–4 – бронза; 5 – бронза, железо.

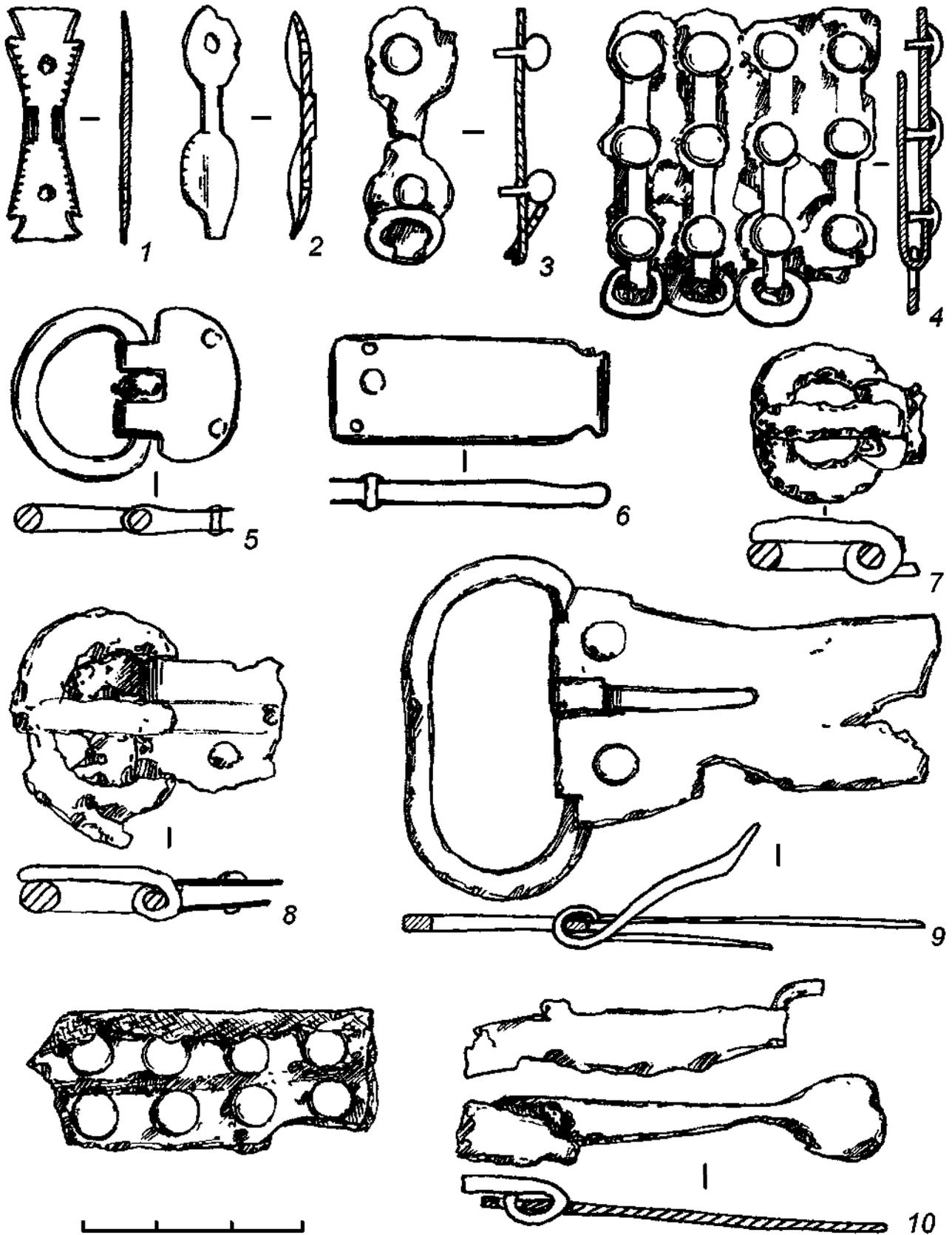

Рис. 7. Поясная гарнитура Боярского «Арай» могильника: 1-4 – накладки (пп. 23А, 115Д, 141, 168); 5, 7-9 – пряжки (пп. 31, 40, 136А, 168); 6, 10 – наконечники ремней (пп. 31, 168). 1, 2, 6 – бронза; 7 – железо; 3-5, 8-10 – бронза, железо.

Рис. 8. Раннегандинский комплекс вещей Боярского «Арай» могильника: 1–3 – бляшки-накладки (пп. 31, 115Б, 141); 4, 6 – подвески (пп. 31, 115Г); 5, 11 – накладки (пп. 31, 168); 7–10 – пронизки (п. 141). Все – бронза.

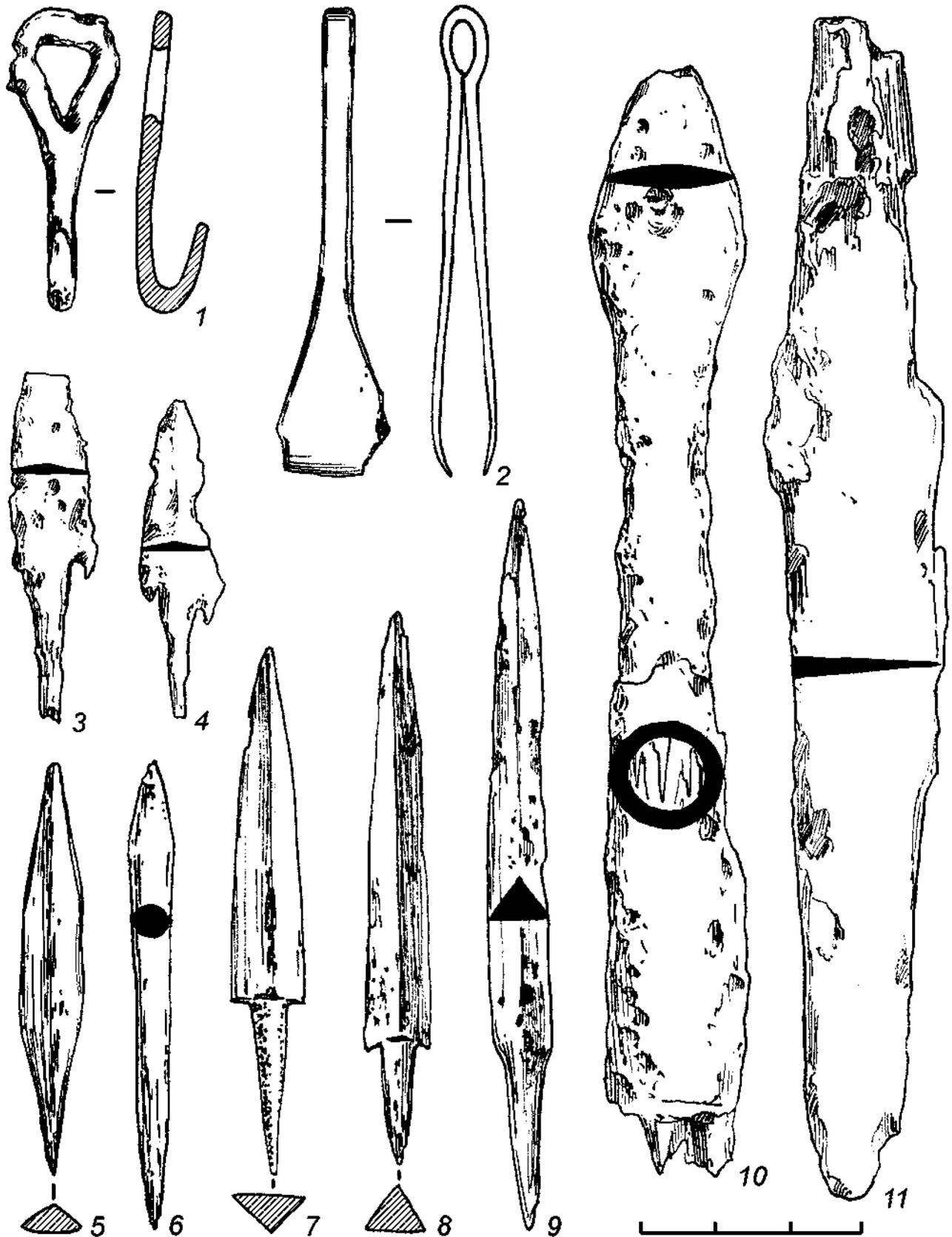
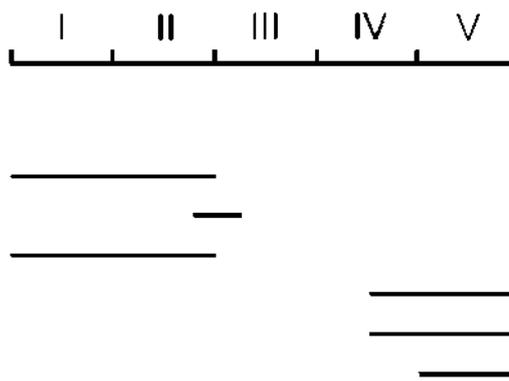

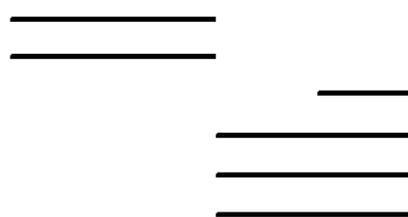
Рис. 9. «Мужской» погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника: 1 – колчаный крючок (п. 115Б); 2 – пинцет (п. 107); 3–9 – наконечники стрел (пп. 22, 107, 115А, 115Б, 153); 10 – наконечник дротика (п. 162); 11 – нож (п. 115Б). 1, 3, 4, 10, 11 – железо; 2 – бронза; 5–9 – кость.

Погребение 31

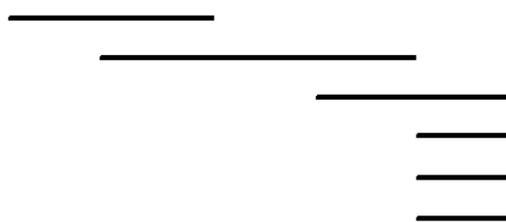
1. «Ажурная» накладка (рис. 8: 5)
2. Подвеска (рис. 8: 4)
3. Бляшка-накладка (рис. 8: 1)
4. Пряжка (рис. 7: 5)
5. Поясной наконечник ремня (рис. 7: 6)
6. Височные подвески (рис. 5: 7)

Погребение 115

1. Бляшка-накладка (рис. 8: 2)
2. Подвеска (рис. 8: 6)
3. Фибула (рис. 6: 4)
4. Поясные накладки (рис. 7: 1)
5. Височные подвески (рис. 5: 4, 5)
6. Бляхи-раковины

Погребение 141

1. Пронизки (рис. 8: 7-10)
2. Бляшка-накладка (рис. 8: 3)
3. Фибула (рис. 6: 5)
4. Гривна (рис. 5: 6)
5. Поясные накладки (рис. 7: 3)
6. Височные подвески (рис. 5: 7)

Погребение 168

1. «Ажурные» накладки (рис. 8: 11)
2. Фибула (рис. 6: 5)
3. Пряжка (рис. 7: 9)
4. Поясные накладки (рис. 7: 4)
5. Поясной наконечник ремня (рис. 7: 10)
6. Накладки-обоймы (рис. 6: 2)
7. Височные подвески (рис. 5: 7)

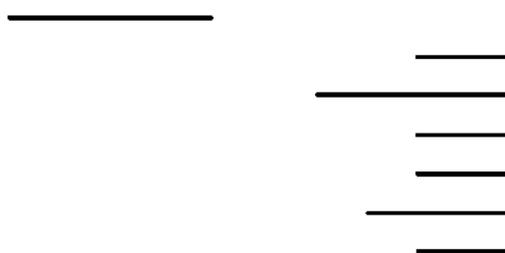

Рис. 10. Хронология погребальных комплексов с раннегандинскими вещами Боярского «Арай» могильника. В скобках даны ссылки на типы украшений.